

Новый популизм в новой Европе: венгерский и польский примеры в научном дискурсе

Сергей П. Артеев¹, Дмитрий С. Буневич², Максим И. Сигачёв³

¹ *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия,*

artsp7@yandex.ru

² *Институт русско-польского сотрудничества, Москва, Россия,*

d.bunevich@rospol.org

³ *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия,*

maxsig@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается феномен нового популизма в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) на примере таких стран-членов Вишеградской группы как Венгрия и Польша. В качестве объекта исследования выступает научный дискурс, а предметом является его сегмент, прямо или косвенно связанный с популизмом в ЦВЕ. Выявляются основные проблемы, аспекты и позиции, существующие в научном сообществе по тематике популизма. В статье исследуются вопросы, относительно того, являются ли популисты стран ЦВЕ носителями потенциала альтернативности. Также в материале поднимается проблема о модели миропорядка и возможности проектирования восточноевропейской альтернативы развития. Ответам на эти исследовательские вопросы уделяется наибольшее внимание. Кроме того, в статье намечаются возможные перспективы развития научного дискурса популизма, в том числе в сравнительно-политическом ключе.

Ключевые слова: популизм, правый популизм, правый радикализм, Фидес, Орбан, Право и справедливость

Для цитирования: Артеев С.П., Буневич Д.С., Сигачёв М.И. Новый популизм в новой Европе: венгерский и польский примеры в научном дискурсе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):92–110. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-92-110>

Статья поступила: 24.01.2022

Принята в печать: 27.02.2022

Опубликована: 30.03.2022

The New Populism in New Europe: Hungarian and Polish Examples in the Scientific Discourse

Sergey P. Arteev¹, Dmitry S. Bunevich², Maksim I. Sigachev³

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia,

artsp7@yandex.ru

² The Institute for Russian-Polish Cooperation, Moscow, Russia,

d.bunevich@rospol.org

³ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia,

maxsig@mail.ru

Abstract: The article analyzes the phenomenon of new populism in Central and Eastern Europe, taking as an example such countries as Hungary and Poland. The object of research is scientific discourse, and the subject is its segment, directly or indirectly related to populism in CEE. The main problems, aspects and positions that exist in the scientific community on the topic of populism are identified. This article explores the questions of whether populists in CEE countries are bearers of the potential for alternativeism. The piece also raises the problem of the model of the world order and the possibility of projecting an Eastern European alternative development. Most attention is paid to the answers to these research questions. In addition, the article outlines possible prospects for the development of the scientific discourse of populism, including in a comparative political key.

Keywords: populism, right-wing populism, right-wing radicalism, Fidez, Orban, Right and Justice

For citation: Arteev S.P., Bunevich D.S., Sigachev M.I. The New Populism in New Europe: Hungarian and Polish Examples in the Scientific Discourse. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):92–110. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-92-110>

Received: 24.01.2022

Revised: 27.02.2022

Published: 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

В рамках изучения современного популистского дискурса особое место занимают исследования восточноевропейского популизма. Именно в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) популистам-евроскептикам удалось добиться наибольших

успехов и прийти к власти в таких государствах как Венгрия и Польша. Венгерский и польский кейсы важны также в качестве примеров двух этномиров (сообществ, зачастую не институализированных и слабо консолидированных, действующих на ос-

нове этнической, языковой и культуральной идентичности) — финно-угорского¹ и славянского, что придаёт им дополнительную цивилизационную специфику. Региональной особенностью правых популистов ЦВЕ является присущее им мессианское понимание национальной идеи — своеобразный национал-максимализм, нашедший своё воплощение в таких концепциях как «Великая Венгрия» и «Великая Польша».

Ключевой научной проблемой является выявление специфики восточноевропейского популизма на примере Венгрии и Польши. Кроме того, важны ответы на исследовательские вопросы относительно того, являются ли популисты стран ЦВЕ носителями потенциала альтернативности, способны они предложить альтернативную модель миропорядка и иной вариант мироустройства, можно ли говорить о популистском проектировании восточноевропейской альтернативы развития.

Исходя из обозначенной исследовательской проблемы, Новая Европа понимается двояко. В первую, очередь, под ней подразумеваются так называемые «младоевропейцы» — новые страны-члены ЕС, бывшие младшие партнеры Советского Союза, ядром которых является Вишеградская группа. Во-вторую очередь, данный концепт включает в себя и понимание в качестве проекта Альтер-Европы, Молодой Европы. В данном контексте альтеревропеизм, неоевропеизм, младевропеизм может трактоваться как альтернативная модель европейского развития, носителем которого выступает регион ЦВЕ.

ЧЕРТЫ НОВОГО ПОПУЛИЗМА

С социально-философской точки зрения главной отличительной чертой нового популизма по отношению к старому может считаться их принадлежность к разным историческим эпохам. Палеопопулизм классического типа — это феномен XX в., обусловленный «восстанием масс» в рамках индустриального общества эпохи Модерна. Неопопулизм, напротив, возникает на рубеже XX–XXI вв., уже после окончания «холодной войны», как проявление постиндустриальных, постмодернистских тенденций. Следующим важным отличием нового популизма по отношению к старому является его относительная мягкость, гибридность, тогда как классический популизм характеризовался более жёстким, непримиримым, крайним характером. В качестве примера палеопопулиста можно привести создателя французского «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена, тогда как его дочь Марин Ле Пен — уже политик неопопулистского толка, что отразилось даже в изменении в 2018 г. названия партии с более воинственного и боевого «Национального фронта» на более примирительное и консолидирующее «Национальное объединение». Подводя итог рассмотрения отличительных характеристик неопопулизма по отношению к палеопопулизму, можно отметить, что новому популизму присущ больший акцент на «суверенизме» и «идентаризме», выражающийся в апелляции к принципам национального суверенитета и национальной идентичности, равно как и использование

¹ При В. Орбане в Венгрии также стала более активно продвигаться теория о тюркском происхождении венгров. В 2018 г. Венгрия в качестве наблюдателя вошла в Тюркский совет, членами которого являются Турция, Казахстан и др. Финно-угорская и тюркские теории происхождения венгров — давние конкуренты в венгерском общественном сознании. И выход на авансцену одной из этих теорий обычно является не столько результатом научных изысканий, сколько обусловлен текущей политической конъюнктурой в тот или иной период. Например, в 1990-2000-е гг. Венгрия позиционировала себя как финно-угорская страна. В то же время с лингвистической точки зрения венгерский язык однозначно относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи.

новых информационно-коммуникативных технологий” [1, с. 463].

Российские ученые уделяют пристальное внимание изучению Вишеградской группы (В4) — объединения Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. В ходе изучения данной тематики Институт Европы РАН как ведущий научный центр в этой области подготовил фундаментальную монографию [2], многие положения которой не утратили актуальность и спустя десятилетие после публикации. Исследователем из ИМЭМО РАН Ф.А. Басов фокусируется на эволюции партийной системы государств В4, указывая, что в Венгрии сегодня наблюдается четкое деление на два лагеря — демократические и националистические партии [3]. Также, по его мнению, популистские элиты В4 способны выдвигать общеевропейские инициативы, которые стимулируют более тесную интеграцию. Однако лидеры В4 считают целесообразным реализовывать их, прежде всего, на межправительственном уровне [4]. Изучение этой региональной межгосударственной группировки формирует более полный образ не только стран В4 и Венгрии, но и избавляет политические элиты этих государств от стереотипизированного негативно нагруженного восприятия, характерного для либерального научного и, особенно, общественно-политического дискурса.

ВЕНГЕРСКИЙ КЕЙС

Исследователи, занимающиеся проблематикой популизма, традиционно уделяют значительное внимание сущности этого актуального понятия, вокруг которого разворачиваются острые дебаты не только в общественно-политическом поле, но и в научных кругах. Авторы указывают на разные подходы к сущности популизма: идеология, политическая технология, особая культурная традиция... [5; 6]

Несомненным достижением научной мысли последнего десятилетия следует считать признание популизма в качестве долгосрочного системного политического явления. Именно такую трактовку обосновывают в своих статьях Л.Г. Фишман [5], С.В. Бирюков и А.А. Коваленко [7] и другие исследователи [8].

Методологически явление популизма в Венгрии исследуется преимущественно в компаративном ключе. Чаще всего анализируются особенности венгерских политических реалий в контексте соседних государств Центрально-Восточной Европы, что видно на примерах работ В.А. Ачкасова [9], С.В. Бирюкова и А.А. Коваленко [10], Х. Вайса [11]. В отличие от своих коллег Х. Вайс более смело подходит к выбору кейсов для сравнительного анализа, так как помимо Чехии, Словакии, Венгрии и Польши он берет еще и Австрию. Греческий исследователь Т. Паппас также оригинально применяет кейс-стади и рассматривает особенности функционирования популистских режимов в Венгрии и Греции [12]. Хотя попытки сравнить модели популизма в регионах с сильно отличающейся политической культурой предпринимались и до того, как тематика популизма стала мейнстримом [13]. Так в работе К. Вейланда, вышедшей на рубеже XX–XXI вв., в качестве основы для сравнения выступает полупериферийный статус Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки в мировой экономике и международных отношениях [13].

Причинность подъема популизма как общемирового феномена в 2000–2010-е гг. имеет сложную структуру. Известный ученый из ИМЭМО РАН К.Г. Холодковский [14] приходит к выводу, что популизм представляет собой реакцию на несбалансированность глобализации. Также, по его мнению, глобализацию невозможно повернуть вспять и глобальному гражданскому обще-

ству необходимо сосредоточиться на гармонизации происходящих процессов [14, с. 10-12.] Сходной позиции, на основе марксистской методологии (что само по себе встречается сегодня не часто), придерживается и А.В. Глухова, анализируя глобализацию через дихотомию выигравшие/проигравшие и острую антиэлитарную реакцию обществ восточно-европейских государств на издержки системной трансформации 1990–2000-х гг. [15].

Специфика венгерского популизма привлекает большое внимание академического сообщества. Ключевые параметры венгерского популизма схожи с популистскими феноменами в других государствах бывшего соцлагеря. В качестве основы национал-популизма в этой стране выступает фактор этнической и культуральной идентичности [9; 16]. Как указывает венгерский политолог А. Бозоки, популизм — часть венгерской культурной традиции, которая имеет длительную историю [6]. Иначе говоря, текущий подъем венгерского популизма — это политическая проекция фундаментального укоренившегося явления. В случае Венгрии подъем популизма обусловлен не только текущими процессами, но и тяжелым историческим наследием. По мнению М.В. Клиновой, электоральный успех популистов объясняется неудачной политикой левых сил, находившихся у власти во многих европейских странах еще 10–20 лет назад, и неэффективными действиями наднациональных органов власти ЕС, в частности, Еврокомиссии [17]. Существенную лепту вносит и столетняя, так до сих пор и непреодоленная «травма Трианона»², которая делает вопрос о сохранении венгерского этнического идентитета чрезвычайно чувствительным для венгерско-

го общества. Как отмечают И.Г. Жиряков и М.В. Барабанов [18], в условиях разочарования венгерского общества от ускоренной евроинтеграции премьер-министр Венгрии В. Орбан в поисках новых идеологических опор ревитализировал проект «Великая Венгрия» и включил его в политическую повестку, что усиливает евроскепсис. Отсюда и резкое неприятие массовой инокультурной миграции некоторыми политическими силами Венгрии [19]. Ревитализация имперского дискурса в политической повестке характерна для евроскептиков-популистов как внутри, так и за пределами ЕС. Многолетние неудачи Турции по вступлению в ЕС привели к реинкарнации нео-османского проекта с подачи премьер-министра, а затем и президента Турецкой Республики Р. Эрдогана, который также в своей деятельности демонстрирует популистские черты поведения и, как и В. Орбан, активно разыгрывает «мигрантскую карту» (пусть и с другими вводными) для достижения своих целей.

Проблематика миграции, в силу членства Венгрии в ЕС, тесно сопряжена с вопросами национального суверенитета и распределения властных полномочий между Брюсселем и Будапештом. Премьер-министр Венгрии В. Орбан и его партия ФИДЕС выступают в качестве одного из лидеров движения евроскептиков внутри ЕС. Сотрудник Венгерской академии наук, политолог А. Биро-Надь считает, что Орбану удалось максимально политизировать общеевропейский миграционный кризис в свою пользу и превратить страх венгров перед мигрантами в свой электоральный ресурс [20]. Профессора Будапештского университета им. Л. Этвёша И. Барна и Ю. Колтаи также указывают на уникальность венгерского

² По итогам Первой мировой войны в 1920 г. между Венгрией и странами-победительницами был подписан Трианонский мирный договор. По его условиям Венгрия утратила 70% территории, а 3 млн венгров оказались за пределами новых границ государства.

миграционного кейса в общеевропейском контексте, когда правящая партия ФИДЕС подогрела моральную панику в обществе и сумела кооптировать новых сторонников [21]. Исследователи солидарны в том, что восточноевропейский популизм и евроскептицизм — жестко связанные между собой явления. Именно такие выводы делает и А.Ф. Дырина на основе анализа ряда зарубежных публикаций [22].

Несмотря на признание в научном сообществе важной роли традиционных христианских ценностей для понимания феномена центрально-европейского популизма, религиозный фактор еще не подвергся глубокому всестороннему анализу. Как считают венгерские ученые З. Адам и А. Бозоки христианство выполняют для правых популистов функцию идеологической конструкции, из которой пытаются сформировать ядро венгерского этнонационализма [23]. В российском научном дискурсе следует выделить работы заместителя директора Института Европы РАН Р.Н. Лункина [24, 25]. На основе привлечения широкого круга источников и научной литературы автор делает оригинальный вывод о диалектическом характере взаимодействия между католической церковью и политическими организациями популистов. Как считает Р.Н. Лункин, между представителями церкви и популистами наблюдается сложный синтез противостояния и сотрудничества на разных уровнях [24].

Анализ актуального научного дискурса позволяет заключить, что популизм воспринимается как серьезная угроза демократическим ценностям и институтам. При этом, в силу незрелости политических институтов посткоммунистические государства считаются в этом плане менее устойчивыми по сравнению со странами Западной Европы и Северной Америки. Жесткий критик В. Орбана Б. Мадьяр ха-

рактеризует текущий политический режим Венгрии как мафиозный [26]. Болгарско-австрийский исследователь И. Крастев указывает, что венгерская демократия в правление В. Орбана деградирует [27]. Однако главная проблема, по его мнению, заключается не в этом, а в том, что теперь лоббируемая Венгрией повестка создает угрозу целостности ЕС [27]. Упомянутый выше Т. Паппас предлагает выделить особый тип политического режима — популистскую демократию [12]. Однако ряд зарубежных исследователей однозначно считают, что популисты у власти разрушают демократию, формируя вместо нее имитационные псевдодемократические институты [28]. Венгерский исследователь З. Адам из Университета Корвина полагает, что продолжающаяся пандемия COVID-19 может уменьшить популярность В. Орбана, обнажив несостоятельность антидемократических процедур в кризисной ситуации, и открыть оппозиции возможность для мобилизации своего электората [29]. Происходит поляризация Европы как макрорегиона, что в совокупности с Brexit и другими дезинтеграционными и контринституциональными факторами порождает особый исследовательский интерес к субрегиональной европейской проблематике.

Личность популистских лидеров всегда вызывала особый интерес исследователей, ведь, как правило, среди популистов нет недостатка в харизматиках. Венгерский историк-политолог Л. Кёрти из Университета г. Мишкольца считает, что феномен Орбана — это часть общемирового политического процесса [30], причем выходит, что в этот раз данный тренд зародился на полупериферии мировой системы и он укрепляет не только идеологию крайне правых, но и неолиберализм как политико-экономическую модель развития общества [30]. В свою очередь ведущий российский эксперт по Венгрии

Л.Н. Шишелина рассматривает популизм правящей венгерской партии ФИДЕС через комплексный анализ внутривнутриполитического и социально-экономического развития Венгрии. Как она считает, В. Орбан — политик, которому удается резонировать с запросами общества, что и обеспечивает его национальный и международный успех [31, 32, 33]. Однако не стоит преувеличивать склонность венгерского лидера к многовекторности во внешней политике. Как отмечает венгерский исследователь С. Вег, статус В. Orbana в качестве одного из главных «оппозиционеров ЕС» [34] создает границы, за которые он не выйдет, если не готов идти до конца, то есть вывести свою страну из ЕС.

ПОЛЬСКИЙ КЕЙС

Политические процессы в Польше традиционно находятся в фокусе пристального внимания российских исследователей и экспертов [35]. Этому способствуют, как богатая традиция и исторически сильная школа отечественной полонистики, так и объективно важная роль, которую Варшава играет в своём регионе и стремится сыграть в Европе в целом. Экономический, демографический, военный и политический потенциалы Польши достаточно высоки, а их проецирование в сферу внешней политики напрямую связаны с внутривнутриполитическими процессами в стране. Российские исследователи поэтому систематически анализируют внутреннюю динамику этих процессов. Не стала исключением и проблема политического популизма в Польше. Еще до того, как проблематика исследования популизма приобрела свою нынешнюю востребованность, российские полонисты уже обратили на неё внимание [36].

Проведенный анализ последних работ ведущих российских исследователей из авторитетных российских научных и эксперт-

ных центров (Институт Европы РАН, ИМЭМО РАН, СПбГУ, ИСл РАН, РГГУ, НИУ ВШЭ, Дипломатическая академия МИД России, Московский центр Карнеги и др.) позволяет выделить несколько основных подходов к пониманию и исследованию феномена польского политического популизма, представленного в науке.

К первой группе можно отнести те работы, в которых популизм рассматривается в цивилизационном контексте, как отражение особого исторического пути, пройденного польским обществом и государством, и отражающим (или даже воплощающим) сформировавшуюся в Польше самобытную политическую культуру. К числу авторов, разделяющих цивилизационный подход относятся, например, М.М. Саморуков и Н.А. Баранов. Так, представляющий Московский центр Карнеги, М.М. Саморуков при анализе политики лидера польских национал-популистов из «ПиС» отмечает, что «он настолько точно попадал в базовые черты польскости, что их невозможно было критиковать ни слева, ни справа, потому что такая критика выглядела бы как критика не Качиньского, а польской нации» [37]. Говоря же о результатах выборов в Европарламент, исследователь из Центра Карнеги также подчёркивал, что итоги голосования и высокие показатели поддержки польских и других восточноевропейских популистов, и вовсе отражают цивилизационный раскол Старого света [38].

Схожих оценок придерживается и представляющий СПбГУ Н.А. Баранов, который объясняет успехи польских популистов осознанием поляками их особой исторической роли в Европе и историческими травмами нации, связанными с опытом негативного взаимодействия с соседями, Россией и Германией. По его мнению, успех польских популистов прямо связан с тем, что они задели определённые

национальные комплексы, базирующиеся в т. ч. на идее цивилизационно обусловленной особенности Польши и необходимости её возрождения с опорой на католическую традицию и противостояние русским, немцам и наднациональным властям в Брюсселе [39, с. 28].

В целом в рамках цивилизационного подхода к феномену польского популизма подходит и известный отечественный исследователь-политолог Н.А. Медушевский. Так, рассуждая о причинах привлекательности популизма, он отмечает, что «он основан на мощной социальной поддержке, которая в свою очередь обусловлена формами исторической памяти поляков, связанной с историей их государства в XX в. и в более ранний исторический период» [40, с. 99]. По мнению исследователя, память о многочисленных кризисах сформировала в польской культуре нетерпимое отношение к религиозным и этническим меньшинствам, что в современных условиях воплотилось в мигрантофобии и неприятии европейских ценностей толерантности и диалога, что и привело к успеху политиков-популистов. Более того, Н.А. Медушевский специально подчёркивает, что «не партия правых популистов «Право и справедливость» формирует мнение общества, а сам электорат создаёт запрос...» [40, с. 99].

Другой подход, в рамках которого исследователи анализируют проблематику польского популизма, заключается в его рассмотрении в качестве реакции на глобализацию. В рамках этого подхода приход популистов к власти объясняется как ответ недостаточно модернизированных и успешных обществ на их вовлечение в процессы либеральной модели глобализации, в рамках которой они занимают не самые лучшие позиции в мировом разделении труда. Сами социально-политические модели популистов, сторонники данного подхода, не-

редко называют «новым авторитаризмом», подчёркивая как его связь с известными авторитарными моделями прошлого, так и принципиально иной характер обществ, в рамках которых этот «новый авторитаризм» существует.

Среди исследователей, разделяющих данный подход, можно выделить работы А.В. Глухой, Р.В. Савенкова и И.С. Яжборовской. Так, отталкиваясь от исследования польского политолога М. Гдулы [41], А.В. Глухова и Р.В. Савенков, предлагают использовать именно этот термин для описания того политического поворота, который начался в Польше после прихода к власти популистов. К числу основных причин, способствовавших успехам популистов, исследователи относят, в частности то, что «в Польше...велик страх перед последствиями либерализации и интернационализации политической, экономической и культурной жизни. Здесь глобализация и европейская интеграция перемешаны: считается, что реакцией на негативные последствия глобализации должен стать общеевропейский поворот назад» [42, с. 183].

Авторитетный российский историк-полонист И.С. Яжборовская, много лет посвятившая исследованию польской политики, в целом склонна описывать успехи польских популистов с точки зрения реакции общества Польши на вызовы либеральной модели глобализации. Она указывает, что в польском обществе «стали резко меняться уже отнюдь не сводящиеся к передаче информации, но формирующие реальность коммуникативные отношения, приобретая черты правоконсервативного популизма. Это явление было вызвано носящим в известной мере классовый характер раздражением трудящихся по поводу нереализуемого ожидания позитивных перемен, несоизмеримо увеличившимися масштабами накопившихся претензий

к элитам и государству в связи с ущербной реализацией его патерналистской, перераспределительной функции» [43, с. 84-85].

Упомянутый выше польский исследователь-социолог М. Гдула в своей фундаментальной монографии, подготовленной на основе исследования небольшого благополучного городка в регионе Мазовия, предлагает, наверное, наиболее стройную концепцию популизма как «нового авторитаризма», основанного на неприятии либеральной глобализации. По мнению социолога, польские популисты сознательно делают акцент на неравенстве при капитализме, умело играя на чувствах и рациональных интересах тех, кто пострадал от нелиберальных рыночных реформ и даже тех, кто лично выиграл от них, но считает, что сама Польша и её общество оказались не в лучшем положении. Умелое сочетание социальной демагогии, национализма и установление контроля над всеми ветвями власти и основными СМИ, становятся базой для «нового авторитаризма».

Анализируя позиции сторонников рассмотрения польского популизма в качестве реакции на глобализацию нельзя не отметить определённого влияния, которую на них, оказал мир-системный подход крупного американского гуманитарного мыслителя-неомарксиста И. Валлерстайна [44]. Если рассматривать Польшу и Восточную Европу в целом как «полупериферию» мир-системы, то всплеск там популизма с одной стороны является реакцией на срыв попыток этих стран присоединиться к государствам «ядра» мир-системы, начатым в 1989 г., а с другой — приход к власти популистов — это ни что иное как элемент закрепления этого полупериферийного положения Польши и её соседей.

Третий подход к пониманию польского популизма можно назвать инструментальным — в его рамках исследователи

видят в популизме не самостоятельную «идеологию» или политическую стратегию, а всего лишь технологию прихода к власти и её удержания. К числу авторов предлагающих именно такой взгляд относятся, на наш взгляд, О.В. Тимофеева, прямо утверждающая, что «популизм — это скорее метод борьбы за власть, а не конкретная идеология» [45, с.109]. Эту оценку в целом разделяют и многие польские авторы, такие как К. Ящевич, который считает, что для ряда польских партий свойственен популизм «в чистом виде» — готовность провозглашать правые и левые лозунги в зависимости от обстоятельств [46].

Вместе с тем, любые типологизации понимания исследователями феномена польского политического популизма носят достаточно условный, вспомогательный характер. В наиболее серьёзных и глубоких работах авторы обыкновенно используют сразу несколько подходов для более полного и всестороннего рассмотрения феномена популизма. К числу таких работ, например, относятся исследования российского политолога П.В. Осколкова. В его фундаментальной монографии «Правый популизм в Европейском союзе» данный политический феномен рассмотрен с самых разных точек зрения. Автор внимательно анализирует идеи, методы политической борьбы и механизмы удержания власти популистами.

В конечном итоге он отмечает, что популизм — «один из множества возможных ответов на вызовы глобализации». Однако, говоря о проблеме популизма применительно к Польше, этот же исследователь считает необходимым оговориться, что для страны характерно особое отношение к проблеме сохранения национальной идентичности, что оказывает влияние и на форму местной разновидности популизма [47]. При этом П.В. Осколков признаёт, что «мы всё же предпочитаем понимать популизм не как са-

мостоятельную идеологию, а как стратегию политической борьбы, некий образ действия, основанный на противопоставлении «элиты» «народу» и обладающий рядом других специфических черт».

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОПУЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН

В академическом дискурсе отмечается, что именно в посткоммунистических государствах Центрально-Восточной Европы правые популисты оказались самыми сильными игроками, способными не только претендовать на политическую власть, но и участвовать в правительстве. Правление Орбана в Венгрии и «Права и справедливости» в Польше привело к кризису либеральной демократии в этих странах спустя тридцать лет после падения коммунистических режимов. Более того, траектория центральноевропейских и восточноевропейских государств после антикоммунистических революций 1989 г. интересна не только сама по себе, но и как преддверие возможного будущего для всего континента. Регион ЦВЕ — это своеобразное «зеркало» для Западной Европы [48]. Политологи И. Крастев и С. Холмс анализировали успехи восточноевропейских евроскептиков в статье «Как либерализм стал «провалившимся богом» в Восточной Европе» [49]. Они указывали на то, что после падения коммунистических режимов обещания западного либерализма по трансформации ЦВЕ никогда не были полностью реализованы, вследствие чего наступила реакция, нашедшая своё воплощение в феномене восточноевропейского популизма. Центральноевропейские популисты утверждали, что либеральная модель демократии превратилась в новую безальтернативную ортодоксию, пришедшую на смену местной разновидности марксизма. Имитация западных ценностей, принципов, институтов

и практик стала рассматриваться как обязательный императив. Популизм в странах ЦВЕ позиционировал себя как протестное движение, направленное против бездумного подражания Западу, которое обозначалось как американизация, европеизация, демократизация, либерализация, интеграция, глобализация [49].

При анализе центральноевропейского популизма в концептуальном плане представляется более продуктивным делать акцент не столько на антиевропеизме национал-суверенистов из стран ЦВЕ, сколько на их альтеревропеизме. Альтеревропейский подход уже относительно давно применяется исследователями-восточноевропейцами при анализе Центрально-Восточной Европы: «...следует говорить не о возобладавшем “антиевропеизме”, а о своеобразном “альтеревропеизме” — то есть о попытке стран ЦВЕ вернуться к “исконным европейским ценностям”, к числу которых относятся национальная государственность, христианская религия, традиционная мораль и трудовая этика... Что же является конструктивной альтернативой для Восточной Европы исходя из особенностей ее собственного “месторазвития”? В свое время Д. де Ружмон рассматривал в качестве возможных альтернатив политического самоопределения для народов и стран Европы (включая ее восточную часть) индивидуалистическую, национально-государственную и регионалистскую модели. Развивая свою идею, Д. де Ружмон говорит о возможности формирования “плюралистической идентичности” для граждан будущей “объединенной Европы”: патриотической, национальной, культурной и универсальной...Какой же выбор предстоит сделать в этом контексте Восточной Европе?.. Именно такое “большое пространство” на основе принципов равноправия конституирующих субъектов и модели “много-

уровневой идентичности” и могут попытаться создать сегодня страны Восточной Европы. Это стало бы достойным ответом на вызовы “евроскептицизма”, демодернизации, национализма и изоляционизма, позволив странам ЦВЕ выйти из состояния “бессубъектности” и превратиться в своеобразный “геополитический мост”, связывающий Восток и Запад. Таким образом, ЦВЕ не только перестанет позиционировать себя как некая “периферия” или “антипод” “Большой Европы”, но и сможет осознать и реализовать себя как полноценный геополитический макрорегион, являющийся неотъемлемой частью общеевропейского цивилизационного пространства.» [50]. Делая акцент на том, что восточноевропейцам необходимо отказаться от изоляционистского антиевропеизма в пользу альтеревропеизма, представители современной восточноевропейистики подчёркивают: «Как представляется, странам ЦВЕ следует отказаться от неконструктивных форм «евроскептицизма» и «политической идентичности», заявив конструктивную альтернативу современной модели евроинтеграции, обнаруживающей свой кризис» [51, с. 127].

О восточноевропейской альтернативе стремится рассуждать и В. Орбан. Формулируя её смысл, венгерский лидер заявлял, что западные либералы видят угрозу в существовании внутри цивилизации Запада консервативной национальной альтернативы. Своими успехами в экономике, политике и культуре Центральная Европа, по мнению венгерского лидера, бросает вызов господству либерализма [52]. С ним согласны и многие консервативные христиане. Так, католический интеллектуал Г. Куби из Германии также возлагает особые надежды на восточноевропейскую альтернативу, рассматривая регион ЦВЕ в качестве оплота сопротивления гендерному «новому тоталитаризму» ЕС [53]. Примечательно,

что российская исследовательница из Института философии РАН В.Г. Федотова ещё в 1990-е гг. ввела в научный оборот концепт «второй» Европы («другой» Европы), включающей в себя страны второго эшелона развития, догоняющей модернизации, которые при этом обладают региональной, цивилизационной спецификой [54]. Таким образом, представляется, что в свете происходящей трансформации неолиберального миропорядка и вызванного кризисом либерал-глобализма запроса на альтернативные модели развития потенциал восточноевропейского альтеревропеизма имеет шансы быть востребованным в процессе конструирования будущего полицентричного мироустройства.

Актуальность изучения популистско-евроскептических партий и движений в Центрально-Восточной Европе обусловлена также тем, что регион можно рассматривать как периферию Евросоюза и, если следовать терминологии мир-системного подхода, полупериферию мир-системы капитализма в целом, которая в тоже время обладает потенциалом превращения в новое ядро: “Вышеградские страны, в отличие от других новых членов ЕС, хотя и подчиняются старым членам ЕС, а сформировать собственный центр силы в Евросоюзе” [4, с. 184]. Приход популистов к власти в таких центрально-восточноевропейских государствах как Венгрия и Польша можно рассматривать как важное свидетельство в пользу той точки зрения, что ЦВЕ — это «слабое звено» либерал-глобализма, и что страны Новой Европы могут сыграть особую роль в случае трансформации либерального мирового порядка в новый постлиберальный миропорядок, контуры которого начали проступать на рубеже 2010-х–2020-х гг.

Особый интерес представляют поэтому и известные различия между моделями

правления популистов в Венгрии и Польше. При всей схожести риторики и политической практики в двух странах, являющихся постоянным объектом критики со стороны Брюсселя, наличие подобных особенностей неоспоримо и имеет существенные последствия. Так, в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что венгерские популисты имеют ярко выраженного харизматического лидера в лице В. Орбана, которого оппоненты внутри страны и извне обвиняют чуть ли не в установлении диктатуры. С другой стороны, лидерство среди польских популистов из партии «Право и справедливость» скорее размыто и деперсонифицировано. Наиболее влиятельный человек в партии, Я. Качиньский, в силу возраста и мизантропического склада характера, избегает публичности и вовлечения в оперативное управление страной. Правление популистов в Польше имеет поэтому партийно-коллективный характер.

Две модели популистского правления сказываются не только на организации власти, но и на её восприятии внутри страны и вовне. Коллективное правление польских партократов-популистов куда сложнее обвинять в авторитаризме, чем яркую фигуру В. Орбана, который и для своих сторонников, и для противников персонифицирует власть в Венгрии. Возможно, специфика этих двух моделей популистского правления основывается на историческом опыте авторитаризма межвоенного периода, когда во главе Венгрии несколько десятилетий стоял диктатор М. Хорти, в то время как в Польше, особенно после смерти Ю. Пилсудского, утвердился коллективный авторитаризм. Закономерно поэтому, что Польша, которую не меньше, чем Венгрию, упрекают в нарушении принципов демократии, администрация президента США Дж. Байдена все же пригласила на «Саммита за демократию» (Summit for Democracy).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научного дискурса по проблематике венгерского и польского популизма демонстрирует широкий интерес научного сообщества к данной теме. Представленный перечень аспектов не является исчерпывающим, но позволяет охватить наиболее важные направления продвижения научной мысли как за рубежом, так и в России. В то же время, для создания более целостной картины не хватает анализа еще некоторых проблем.

К числу наиболее сложных и пока не нашедших адекватного решения в научном дискурсе проблем следует отнести вопрос о роли популизма во внешней политике государства и в международной политике в целом. Постулат о неразделимости внешней и внутренней политике в современном мире, с одной стороны, стал общим местом в научном дискурсе, с другой — большинство исследователей пока не слишком активно применяют такой «безграничный» поствестфальский ракурс и придерживаются более традиционных методологических рамок: исследователи внутренней политики занимаются своим предметным полем, политологи-международники — своим.

В компаративном ключе заметно отсутствие значимых работ, где сравнивается венгерский/польский и российский популизм. Российский популизм, в отличие от западного, вообще крайне слабо представлен в научном дискурсе, хотя накоплена обширная фактологическая база.

Не менее значимой является и проблема субъектов популизма. Прежде всего, не внесена ясность в ряд вопросов: можно ли считать популистами не только партии и отдельных политических деятелей акторов, а, например НКО, НПО и бизнес-структуры? Это особенно актуально в ситуации энергетических проблем, с которыми столкнулся ЕС вследствие форсирования

реализации «зеленой повестки». В случае утвердительного ответа, не до конца выясненными остаются вопросы о функции этих субъектов в политическом раскладе

на национальном и международном уровнях в контексте функционирования, эволюции и перспектив популизма как одного из ключевых явлений современности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сигачёв М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В. Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италия, Франция, Германия, Австрия). *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020;22(3):458-474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474
2. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Отв. ред. Л.Н. Шишелина. Москва: Весь Мир; 2010. 568 с.
3. Басов Ф.А. Вишеградская «четверка» и развитие европейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;12:87-95.
4. Басов Ф.А. Вышеградские страны ЕС: периферия или новое ядро? *Свободная мысль*. 2019;5:175-184.
5. Фишман Л.Г. Популизм — это надолго. *Политические исследования*. 2017;3:55-70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04
6. Бозоки А. Популизм как дискурс венгерских элит. *Сравнительная политика*. 2012;3(9):162-184.
7. Бирюков С.В., Коваленко А.А. Восточная Европа: евроскептицизм и правоконсервативный тренд. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012;8:49-58.
8. Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько А.В. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020;13:99-132.
9. Ачкасов В.А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста electoralной поддержки. *Вестник МГИМО-Университета*. 2011;5:145-150.
10. Бирюков С.В., Коваленко А.А. Восточная Европа: евроскептицизм и правоконсервативный тренд. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012;8:49-58.
11. Weiss H. A Cross-National Comparison of Nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland. *Political Psychology*. 2003;2:377-401.
12. Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary. *Government and Opposition*. 2014;1:1-23.
13. Weyland K. Neoliberal Populism in Latin America and Eastern Europe. *Comparative Politics*. 1999;4:379-401.
14. Холодковский К.Г. Глобализация vs национальное государство — попятное движение? *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;12:5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14
15. Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации). *Политическая наука*. 2020;3:13–33. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poIn/2020.03.01>
16. Гарас Л.Н., Губанов А.И., Шавалюк Е.Р. Особенности политического популизма в странах Европейского союза (на примере Венгрии). *Парадигмы истории и общественного развития*. 2020;19:68-73.
17. Клинова М.В. По итогам европейских выборов 2019 года. Националисты-популисты: социально-экономический аспект. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;5:42-51.

18. Жиряков И.Г., Барабанов М.В. Проект «Великая Венгрия» в политике современных венгерских правых партий. *Вестник МГПУ*. 2013;2:87-95.
19. Форет И.В. Проблемы миграции в идеологии партии «Наше отечество» («Mi hazánk mozgalom») в современном венгерском этническом национализме. *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2020;4:94-97.
20. Bíró-Nagy A. Orbán's political jackpot: migration and the Hungarian electorate. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021;2:405-424. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853905
21. Barna I., Koltai J. Attitude Changes towards Immigrants in the Turbulent Years of the 'Migrant Crisis' and Anti-Immigrant Campaign in Hungary. *Intersections. East European Journal of Society And Politics*. 2019;5(1):48-70. DOI: <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v5i1.501>
22. Дырина А.Ф. Евроскептицизм и популизм в Центральной и Восточной Европе (Обзор по материалам англоязычных публикаций). *Актуальные проблемы Европы*. 2017;3:154-176.
23. Ádám Z., Bozóki A. State and faith: Right-wing populism and Nationalized religion in Hungary. *Intersections East European Journal of Society and Politics*. 2016;1:98-122. DOI: 10.17356/ieejsp.v2i1.143
24. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях. *Современная Европа*. 2018;1:102–113.
25. Лункин Р.Н. Существует ли христианский электорат в Европе? церковь, верующие и политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2019;3(9):110-117.
26. Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 388 с.
27. Крастев И. Новые деспоты Восточной Европы: долгий путь к упадку демократии. Неприкосновенный запас. 2018;4:140-150.
28. Grzymala-Busse A. Global Populisms and Their Impact. *Slavic Review*. 2017;1:3-8.
29. Ádám Z. Ultra-orthodoxy and selective voluntarism: How did the Orbán regime react to the first wave of the pandemic? *European Policy Analysis*. 2020;2:277-292.
30. Kürti L. Orbánism: The culture of illiberalism in Hungary. *Ethnologia Europaea*. 2020;2:62-79. DOI: 10.16995/EE.1055
31. Шишелина Л.Н. Виктор Орбан: 10 лет у штурвала Венгрии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020;3:48-54.
32. Шишелина Л.Н. Четвёртое правительство Виктора Орбана. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;4:84-88.
33. Шишелина Л.Н. Самая цитируемая речь премьер-министра Венгрии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;5:66-70.
34. Végh Zs. Hungary: The EU's troublemaker. Keeping europeans together: assessing the state of EU cohesion. *European Council on Foreign Relations*. 2016:72-75.
35. Польша в современном мире / А.А. Габарта, Д.С. Буневич, В.В. Воротников, Е.А. Акифьева / под общ. ред. В.В.Воротникова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра истории и политики стран Европы и Америки. Москва: МГИМО-Университет; 2021.
36. Лыкошина Л.С. Нереальное решение реальных проблем (к вопросу о популизме и национализме в Польше). Национализм и популизм в Восточной Европе. *Сб. науч. трудов. Сер. «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России»*, Москва; 2007:55-83.
37. Саморуков М. Пока Брюссель не смотрит. Как изменит Польшу и Европу новая победа Качиньского. Фонд Карнеги. URL: <https://>

- carnegie.ru/commentary/80061 (дата обращения: 10.11.2021).
38. Саморуков М. Как выборы в Европарламент отодвинули Восточную Европу от власти в ЕС. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/29/802707-vibori-evroparlament> (дата обращения: 10.11.2021).
 39. Баранов Н. А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики. *Вестник СПбГУ. Сер. 6.* 2015;3:28.
 40. Медушевский Н.А. Культура толерантности и историческая память: столкновение противоположностей в современном польском обществе. *Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения.* 2019;3:99-111.
 41. Gdula M. Nowy autorytaryzm. Warszawa; 2018. 112 p.
 42. Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении. *Полис. Политические исследования.* 2019;4:181-191.
 43. Яжборовская И.С. Системные трансформации и становление информационного общества как предпосылки роста популизма в постсоциалистических странах. *Среднерусский вестник общественных наук.* 2018;6:82-96.
 44. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Санкт-Петербург: *Университетская книга;* 2001. 414 с.
 45. Тимофеева О. В. Социальная риторика партии «Право и справедливость» (Польша): популизм или партийная идеология? *Вестник Прикамского социального института.* 2019;2(83):107-111.
 46. Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? / K. Jasiewicz. *Problems of Post-Communism.* 2008;3:7-25.
 47. Осолков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. Москва: Институт Европы РАН; 2019. 165 с.
 48. Explaining Right-Wing Populism in Central and Eastern Europe: Economics, Politics, (Civil) Society and Culture. ECPR. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/1152> (дата обращения: 30.11.2022).
 49. Krastev I., Himes S. How liberalism became 'the god that failed' in eastern Europe. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/24/western-liberalism-failed-post-communist-eastern-europe> (дата обращения: 15.12.2021).
 50. Бiryюков С., Коваленко А. Геополитика восточноевропейских «крайне правых». Свободная мысль. URL: <http://svom.info/entry/316-geopolitika-vostochnoevropskikh-krajne-pravykh/> (дата обращения: 10.12.2021).
 51. Бiryюков С.В., Коваленко А.А. Правоконсервативное лицо Восточной Европы. *Вопросы национализма.* 2012;4:118-128.
 52. Western liberals are threatened by Hungary's success, can't accept 'conservative national alternative,' Orban tells Tucker Carlson. RT. URL: <https://www.rt.com/news/531386-orban-blasts-western-liberals/> (дата обращения: 15.11.2021).
 53. Elzbieta Korolczuk. The roots of right-wing populism in Central and Eastern Europe: at the nexus of neoliberalism and the global culture wars. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/eurocrisispress/2019/11/08/the-roots-of-right-wing-populism-in-central-and-eastern-europe-at-the-nexus-of-neoliberalism-and-the-global-culture-wars/> (дата обращения: 17.11.2021).
 54. Федотова В. Многообразная Европа. Концепт «второй» Европы как характеристика стадии развития. Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35922> (дата обращения: 20.11.2021).

REFERENCES:

1. Sigachev M.I., Sleptsov E.S., Fadeev E.V. The New Right-Wing Populism: Trends and Prospects on the Example of Several European States (Italy, France, Germany, Austria). *Vestnik (Herald) of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science.* 2020;22(3):458-474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474 (In Russ).
2. Visegradaska Europe: From where and to where? Two Decades on the Way of Reform in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic. Moscow: All World; 2010. (In Russ).
3. Basov F.A. The Visegrad Four and the Development of European Integration. *World Economy and International Relations.* 2020;12:87-95. (In Russ).
4. Basov F.A. The Visegrad Countries of the EU: Periphery or New Core? *Free Thought.* 2019;5:175-184. (In Russ).
5. Fishman L.G. Populism is a long-term thing. *Polis. Political Studies.* 2017;3:55-70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04 (In Russ).
6. Bozoki A. Populism as Discourse of Hungarian Elites. *Comparative Politics.* 2012;3(9):162-184. (In Russ).
7. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. Eastern Europe: Euroscepticism and the Right-Conservative Trend. *World Economy and International Relations.* 2012;8:49-58. (In Russ).
8. Khakhalkina E.V., Andreev K.P., Munko A.V. The New Face of the European Union: the Phenomenon of Right-Wing Populism on the Example of Individual EU Countries. *Vestnik MGIMO-University.* 2020;13:99-132. (In Russ).
9. Achkasov V.A. National Populism in the Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe: Reasons for the Growth of Electoral Support. *Vestnik MGIMO-University.* 2011;5:145-150. (In Russ).
10. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. Eastern Europe: Euroscepticism and the Right-Conservative Trend. *World Economy and International Relations.* 2012;8:49-58. (In Russ).
11. Weiss H. A Cross-National Comparison of Nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland. *Political Psychology.* 2003;2:377-401.
12. Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary. *Government and Opposition.* 2014;1:1-23.
13. Weyland K. Neoliberal Populism in Latin America and Eastern Europe. *Comparative Politics.* 1999;4:379-401.
14. Kholodkovsky K.G. Globalization vs. the nation-state — a backward movement? *World Economy and International Relations.* 2019;12:5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14 (In Russ).
15. Glukhova A.V. Political conflicts in the global era (To the problem of theoretical identification). *Political Science.* 2020;3:13-33. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.01> (In Russ).
16. Garas L.N., Gubanov A.I., Shavalyuk E.R. Features of Political Populism in the Countries of the European Union (on the Example of Hungary). *Paradigms of History and Social Development.* 2020;19:68-73. (In Russ).
17. Klinova M.V. On the results of the 2019 European elections. Nationalist-populists: the socio-economic aspect. *World Economy and International Relations.* 2020; 5:42-51. (In Russ).
18. Zhiryakov I.G., Barabanov M.V. The Great Hungary Project in the Politics of Modern Hungarian Right Parties. *Vestnik MGPU.* 2013;2:87-95. (In Russ).
19. Foret I.V. Migration Problems in the Ideology of the Party "Our Fatherland" ("Mi hazánk mozgalom") in Modern Hungarian Ethnic Nationalism. *Herald of the All-Union State University. Series: History. Political Science. Sociology.* 2020;4:94-97.
20. Bíró-Nagy A. Orbán's political jackpot: migration and the Hungarian electorate. *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2021;2:405-424. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853905

21. Barna I., Koltai J. Attitude Changes towards Immigrants in the Turbulent Years of the 'Migrant Crisis' and Anti-Immigrant Campaign in Hungary. *Intersections. East European Journal of Society And Politics*. 2019;5(1):48-70. DOI: <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v5i1.501>
22. Dyrina A.F. Euroscepticism and Populism in Central and Eastern Europe (Review on the Materials of English-language Publications). *Actual Problems of Europe*. 2017;3:154-176. (In Russ).
23. Ádám Z., Bozóki A. State and faith: Right-wing populism and Nationalized religion in Hungary. *Intersections East European Journal of Society and Politics*. 2016;1:98-122. DOI: 10.17356/ieejsp.v2i1.143
24. Lunkin R.N. Religion and European Populism: The Christian Factor in Political Discourse. *Contemporary Europe*. 2018;1:102-113. (In Russ).
25. Lunkin R.N. Is there a Christian electorate in Europe? Church, believers and politicians. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2019;3(9):110-117. (In Russ).
26. Magyar B. Anatomy of the Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary. *Moscow: New Literary Review*; 2016. 388 c.
27. Krastev I. The new despots of Eastern Europe: the long road to the decline of democracy. *Untouchable Stock*. 2018;4:140-150. (In Russ).
28. Grzymala-Busse A. Global Populisms and Their Impact. *Slavic Review*. 2017;1:3-8.
29. Ádám Z. Ultra-orthodoxy and selective voluntarism: How did the Orbán regime react to the first wave of the pandemic? *European Policy Analysis*. 2020;2: 277-292.
30. Kürti L. Orbánism: The culture of illiberalism in Hungary. *Ethnologia Europaea*. 2020;2:62-79. DOI: 10.16995/EE.1055
31. Shishelina L.N. Viktor Orban: 10 years at the helm of Hungary. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2020;3:48-54. (In Russ).
32. Schichelina L.N. Viktor Orban's Fourth Government. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2018;4:84-88. (In Russ).
33. Schishelina L.N. The most quoted speech of the Prime Minister of Hungary. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2018;5:66-70. (In Russ).
34. Végh Zs. Hungary: The EU's troublemaker. Keeping europeans together: assessing the state of EU cohesion. *European Council on Foreign Relations* (2016):72-75.
35. Poland in the modern world / A.A. Gabarta, D.S. Bunevich, V.V. Vorotnikov D.S., Akifieva E.A. / ed. by V.V. Vorotnikov; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of History and Politics of Europe and America. Moscow: MGIMO-University; 2021.
36. Lykoshina L.S. Unrealistic Solutions to Real Problems (To the Question of Populism and Nationalism in Poland). Nationalism and Populism in Eastern Europe: *Collection of Scientific Works. Ser. Problems of Social Transformation in the Countries of Eastern Europe and Russia*. Moscow; 2007:55-83. (In Russ).
37. Samorukov M. While Brussels is not looking. How Kaczynski's New Victory Will Change Poland and Europe. *Carnegie Endowment*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80061> (accessed 10.11.2021). (In Russ).
38. Samorukov M. How Elections to European Parliament Moved Eastern Europe away from EU Power. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/29/802707-vibori-ev-roparlament> [Accessed: 10.11.2021]. (In Russ).
39. Baranov N. A. The Renaissance of Populism: European Experience and Russian Practices. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg State University. Ser. 6*. 2015;3:28. (In Russ).
40. Meduszewski N.A. Tolerance Culture and Historical Memory: Clash of Opposites in Modern

- Polish Society. *Vestnik (Herald) of the Russian State University of Humanities. Series Political Science. History. International Relations*. 2019;3:99-111. (In Russ).
41. Gdula M. Nowy autorytaryzm. Warszawa; 2018. 112 p.
42. Glukhova A. V., Savenkov R. V. New authoritarianism in Polish attire. *Polis. Political Studies*. 2019;4:181-191. (In Russ).
43. Yazhborovskaya I.S. Systemic transformations and the formation of information society as pre-conditions for the growth of populism in post-socialist countries. *Srednerussky vestnik of social sciences*. 2018;6:82-96. (In Russ).
44. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. Saint Petersburg: *University Book*; 2001. 414 c. (In Russ).
45. Timofeeva O. V. Social rhetoric of the Law and Justice Party (Poland): populism or party ideology? *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta [Bulletin of the Kama Social Institute]*. 2019;2(83):107-111. (In Russ).
46. Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? / K. Jasiewicz. *Problems of Post-Communism*. 2008;3:7-25.
47. Oskolkov P.V. Right-wing populism in the European Union. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; 2019. 165 c. (In Russ).
48. Explaining Right-Wing Populism in Central and Eastern Europe: Economics, Politics, (Civil) Society and Culture. ECPR. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/1152> [Accessed: 30.11.2022].
49. Krastev I., Hones S. How liberalism became 'the god that failed' in eastern Europe. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/24/western-liberalism-failed-post-communist-eastern-europe> [Access: 15.12.2021]. (In Russ).
50. Biryukov S., Kovalenko A. Geopolitics of the Eastern European "extreme right". Free Thought. URL: <http://svom.info/entry/316-geopolitika-vostochnoevropejskih-krajne-pravyh/> [Accessed: 10.12.2021]. (In Russ).
51. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. The Right-Conservative Face of Eastern Europe. *Issues of Nationalism*. 2012;4:118-128. (In Russ).
52. Western liberals are threatened by Hungary's success, can't accept 'conservative national alternative,' Orban tells Tucker Carlson. RT. URL: <https://www.rt.com/news/531386-orban-blasts-western-liberals/> [Accessed: 15.11.2021]. (In Russ).
53. Elżbieta Korolczuk. The roots of right-wing populism in Central and Eastern Europe: at the nexus of neoliberalism and the global culture wars. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/eurocrisispress/2019/11/08/the-roots-of-right-wing-populism-in-central-and-eastern-europe-at-the-nexus-of-neoliberalism-and-the-global-culture-wars/> [Accessed: 17.11.2021].
54. Fedotova V. Versatile Europe. The Concept of the "Second" Europe as a Characteristic of the Stage of Development. Perspectives. Fund of Historical Perspectives. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35922> [Accessed: 20.11.2021]. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей П. Артеев, Кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23;

artsp7@yandex.ru

Дмитрий С. Буневич, Кандидат исторических наук, Институт русско-польского сотрудничества, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, Трехпрудный пер. , д. 10/2;

d.bunevich@rospol.org

Максим И. Сигачёв, Кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул.Профсоюзная, д. 23;

maxsig@mail.ru

Sergey P. Arteev, Candidate of Political Science, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia; b. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;

artsp7@yandex.ru

Dmitry S. Bunevich, Candidate of History, The Institute for Russian-Polish Cooperation, Moscow, Russia; b. 20, Tryokhpрудny pereulok st., Moscow, 123001, Russia

d.bunevich@rospol.org

Maksim I. Sigachev, Candidate of Political Science, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia; b. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;

maxsig@mail.ru